

Научная статья

УДК: 323.272

doi: 10.17223/1998863X/66/18

РЕВОЛЮЦИИ И ДЕМОКРАТИЯ. ПОЧЕМУ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТ ВООРУЖЕННУЮ ИЛИ НЕВООРУЖЕННУЮ ФОРМУ?

Вадим Витальевич Устюжанин¹, Андрей Витальевич Коротаев^{2,3}

^{1,2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

³ *Институт Африки РАН, Москва, Россия*

¹ *vvustiuzhanin@yandex.ru*

² *akorotayev@gmail.com*

Аннотация. В последнее время исследователи все чаще задаются вопросами: почему одни революции принимают вооруженную форму, а другие – невооруженные? Показано, что важнейшим фактором выступает уровень демократии в стране накануне революции. Однако при этом такая логика не работает для сепаратистских революционных выступлений: тут решающую роль играет этническая дискриминация, а демократия не выступает столь же важным фактором.

Ключевые слова: демократия, вооруженные революции, невооруженные революции, дискриминация

Благодарности: Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

Для цитирования: Устюжанин В.В., Коротаев А.В. Революции и демократия. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 198–210. doi: 10.17223/1998863X/66/18

Original article

REVOLUTIONS AND DEMOCRACY. WHY DO REVOLUTIONS TAKE ARMED OR UNARMED FORM?

Vadim V. Ustyuzhanin¹, Andrey V. Korotayev^{2,3}

^{1,2} *Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

³ *Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

¹ *vvustiuzhanin@yandex.ru*

² *akorotayev@gmail.com*

Abstract. In recent years, the question of what form a revolutionary uprising will take – armed or unarmed – has been raised more and more often. This is because, as shown by a large number of studies, nonviolence can explain why the uprising failed or came to success. So, with the beginning of the 21st century, the number of unarmed and successful revolutions is growing, but it is still not clear why this occurs. Moreover, there are only a

few quantitative cross-national papers on this topic, in which the authors tried to explain the apparent pattern. However, none of them considered political factors separately. In this paper, the hypothesis is that the country's democracy and the inclusiveness of governance institutions are the determining factors for answering the question: will the revolution be bloody or peaceful? At the same time, it is expected that, on the one hand, the more democratic the country is, and, on the other, the smaller the share of the discriminated population, the more likely a revolution will be unarmed. However, it is important to understand that different types of uprisings differ significantly from each other. So, by exploiting logistic models, it was found that when analyzing all revolutions together, it is democracy that is the main predictor, while the level of discrimination is not so strong. However, if we consider only the national liberation (separatist) revolutions, it turns out that democracy does not play any role in determining the tactics of the protesters, while ethnic discrimination appears to be a very significant factor. On the contrary, within socioeconomic revolutions (non-separatist) discrimination is not significant, while the level of democracy has a direct and strong influence on the degree of violence. Thus, all our hypotheses have been supported: despite the apparent similarity, the level of a country's democracy and the degree of discrimination turn out to be qualitatively independent predictors when answering the question – will the revolution be armed or not?

Keywords: democracy; armed revolutions; unarmed revolutions; discrimination

Acknowledgments: The study was carried out as part of the HSE Fundamental Research Program in 2022 with the support of the Russian Science Foundation (Project Number 18-18-00254).

For citation: Ustyuzhanin, V.V. & Korotayev, A.V. (2022) Revolutions and democracy. Why do revolutions take armed or unarmed form? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 198–210. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/18

Введение

Исследования последних лет показали, что революционные выступления имеют существенно разные результаты в зависимости от того, какую форму они принимают – вооруженную/насильственную или невооруженную/ненасильственную [1–3]. Появилось и несколько количественных кросс-национальных исследований, посвященных проблеме исследования факторов того, почему революционные выступления принимают насильственную (вооруженную) или ненасильственную (невооруженную)¹ форму [3, 5]. Так, Ченовец и Ульфелдер [6] или Батчер и Свенсон [2] находят, что уровень политических свобод является ключевым предиктором ненасилия. Однако никто из них не изучает этот вопрос предметно, т.е. не рассматривает политический фактор в отдельности.

Отметим, что большинство перечисленных авторов предпочитают обозначать революции как «максималистские кампании». Вслед за П. Акерманом и К. Крюглером [7], Э. Ченовет и М. Стивен определяют «кампанию» как «серию наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик в

¹ При этом важно понимать, что, когда речь идет о ненасильственных кампаниях, на самом деле подразумеваются невооруженные революционные выступления. Так, М. Кадивар и Н. Кечли [4] вполне убедительно показали, что участники большинства так называемых ненасильственных максималистских кампаний прибегали к насилию в достаточно серьезных масштабах (см., например, Египетскую революцию 2011 г. или Украинскую революцию («Евромайдан») 2013–2014 гг., классифицируемые Э. Ченовет именно как «ненасильственные»), в связи с чем они с полными на то основаниями полагают, что называть такие революционные выступления «ненасильственными» неправильно, предлагая обозначать их как «невооруженные».

преследовании политической цели». Более того, в вышеупомянутых исследованиях рассматриваются кампании «с целями, которые воспринимаются как максималистские (фундаментальное изменение политического порядка); <...> мы намеренно выбираем только кампании с целями, которые воспринимаются как максималистские по своей природе: смена режима или национальное самоопределение» [8. Р. 68]. В свою очередь, мы понимаем революции и изучаем их в рамках «четвертого поколения» (см.: [9]) и, таким образом, говорим о революциях XX–XXI вв., опираясь на такие определения революций, как: (I) «революция – антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» [10. С. 856]; (II) «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [9. С. 61]; и (III) «коллективная мобилизация с целью быстрого свержения существующего режима для преобразования политических, экономических и символических отношений» [11. Р. 5]. Таким образом, мы видим, что «максималистские кампании» – это не что иное, как революции (в том числе сепаратистские/национально-освободительные); следовательно, вышеупомянутые работы реально изучают именно революции, а их результаты оказываются совершенно актуальными для нашего понимания хода и итогов революционных процессов.

Возвращаясь к политическому фактору революционной нестабильности, стоит сказать, что мысль о том, что демократичность и инклюзивность институтов сокращают возможное насилие, не нова. Так, в 1949 г. Карл Поппер говорил, что называет «тип правления, который можно устранить без насилия – демократией, а другой – тиранией» [12. Р. 90]. У современных исследователей можно увидеть схожий вывод: вероятность мирной протестной мобилизации в демократиях выше, чем в авторитарных режимах [11, 13, 14]. Другими словами, чем демократичнее режим, тем меньше там вероятность насилия по сравнению с недемократическими режимами.

Объясняется такая зависимость несколькими причинами. Во-первых, недовольным гражданам легче предъявить свои требования правительству или мобилизоваться в демократической стране, где структура институтов предполагает включение широких масс в управление [15]. Во-вторых, относительно высокий уровень свобод, а точнее, их неподавление через репрессивный аппарат, неразвитый в демократических странах, также приводит к увеличению вероятности ненасильственного протеста [16]. Другими словами, более высокий уровень политических репрессий влечет за собой увеличение вероятности насильственного восстания в силу невозможности использования иной тактики [17]. Таким образом, демократия сама по себе не ведет к росту недовольства, но открывает путь для его выражения посредством мирной массовой мобилизации на избирательных участках и улицах [14], а не с оружием в руках.

Однако такие революции, как Украинская революция 2013–2014 гг. (Евромайдан) или Армянская бархатная революция 2018 г., демонстрируют, что они вполне могут свергнуть демократически избранных президентов, но в рамках даже частично демократической системы революция с гораздо большей вероятностью примет невооруженный вид, чем при полной автократии.

Однако было бы неправильным предполагать, что уровень свобод определяется лишь демократичностью выборных процедур. Так, инклюзивность институтов определяется и степенью вовлеченности всех граждан в управление. Другими словами, даже если в стране есть формализованные демократические институты, но при этом часть населения лишена права управления, то можно справедливо предположить, что вероятность насилия там будет довольно высока. Так, в большинстве работ по теории гражданских войн, которые можно считать крайней формой насильственной мобилизации, обнаруживается, что вероятность возникновения вооруженного восстания положительно связана с этнической дискриминацией [17–21]. Объясняется это тем, что дискриминируемая часть населения скорее выберет именно вооруженную тактику действий, потому что: во-первых, у них обычно нет возможности для успешного ненасильственного восстания из-за того, что доминирующие этнические группы владеют большей частью ресурсов и используют государство для ограничения доступа меньшинств к различным благам, необходимых для успешного мирного протеста (например, к образованию или высокооплачиваемой работе) [18]. Во-вторых, затраты на коллективные насильственные действия для дискриминируемых групп меньше, потому что: (1) существуют стабильные социальные связи и доверие между членами угнетаемой группы; (2) альтернативные издержки для них не так велики, так как благосостояние дискриминируемой группы обычно низкое и ее члены, как правило, не имеют большого количества накопленных инвестиций в человеческий капитал. Следовательно, их возможная выгода от успеха насильственной кампании перековывает все риски потери их небольшого капитала [22], чего нельзя сказать про остальную часть населения, которой есть что терять.

Таким образом, в тех странах, где уровень демократичности институтов низок, а степень дискриминации высока, с большей вероятностью революция примет вооруженную форму. Однако при этом важно учесть, что корреляция между демократичностью режима и отсутствием дискриминации довольно высока: даже усеченные демократические процедуры априори предполагают включение большинства граждан в участие в политической системе. Поэтому цели дискриминируемых групп скорее не в смене режима, а в самоопределении. Другими словами, при анализе революционных событий необходимо рассматривать в отдельности сепаратистские/национально-освободительные революционные выступления, чтобы, с одной стороны, не принизить влияние демократичности институтов, а с другой – не преувеличить влияние дискриминации на выбор протестующими тактики – вооруженной или невооруженной.

Таким образом, наши гипотезы можно сформулировать следующим образом:

H1: Чем выше демократичность институтов, тем ниже вероятность для социально-политических (несепаратистских) революций принять вооруженную форму.

Н2: Чем больше доля дискриминируемого населения, тем выше вероятность для сепаратистских/национально-освободительных революционных выступлений принять вооруженную форму.

Данные и методы

Мы опираемся на информацию, предоставляемую базой данных *Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO) 1.3* [23], которая идентифицирует 622 революционных выступления/«кампании», происшедших с 1900 по 2019 г. Она описывает многочисленные случаи насильственных и ненасильственных революционных выступлений с целями смены режима, национального самоопределения или важных социальных изменений (например, ликвидации апартеида). Исходя из гипотез нашего исследования, мы будем делить революции по целям: на сепаратистские/национально-освободительные, что объединяет цели «самоопределение» и «сецессия» по классификации используемой базы данных, и на социально-политические (несепаратистские) революции с целями смены режима и (или) важных социальных изменений (но без цели национального самоопределения).

В качестве зависимой переменной мы берем другую переменную из этой же базы данных – было ли революционное выступление/«кампания» вооруженной или нет. Это бинарная переменная, где «1» – это невооруженное революционное выступление, а «0» – вооруженное. При этом авторы особо замечают, что «кампании являются в первую очередь ненасильственными, когда подавляющее большинство участников не вооружены, и когда они используют в основном ненасильственные методы <...>. Кампании являются преимущественно насильственными, когда большинство участников применяют силу, особенно вооруженную, против режимов и их сторонников» [24. Р. 6]. Кроме того, мы берем эту переменную с лагом в один год, потому что независимые политические переменные подвержены сильным изменениям в процессе самой революции/«кампании».

В качестве первой независимой переменной мы берем индекс электоральной демократии из базы данных *V – Dem*, которая принимает значения от 0 до 1 и формируется путем: (1) взятия среднего и средневзвешенного значения индексов, измеряющих свободу объединений, качество выборов, свободу слова, выборные должности и избирательное право; и (2) добавления мультипликативного взаимодействия между этими показателями [25].

В качестве второй независимой переменной выступает доля дискриминируемого населения из этнополитической базы данных *Ethnic Power Relations (EPR)*, которая дает следующее описание этой переменной: «... члены группы подвергаются активной, преднамеренной и целенаправленной дискриминации со стороны государства с намерением исключить из политической власти. Такая активная дискриминация может быть формальной или неформальной, но всегда относится к сфере государственной политики (исключая дискриминацию в социально-экономической сфере)» [26. Р. 6].

Обе независимые переменные мы, в свою очередь, разбиваем на несколько групп. Индекс электоральной демократии разделен нами на шесть типов режимов путем деления общемировой выборки на шесть равных частей (секстилей):

1. Полные автократии (от 0 до 0,071).
2. Частичные автократии (от 0,071 до 0,141).

3. Закрытые анократии (от 0,141 до 0,218).
4. Открытые анократии (от 0,218 до 0,412).
5. Частичные демократии (от 0,412 до 0,73).
6. Полные демократии (от 0,73 и выше).

То же самое мы делаем и с долей дискриминируемого населения, однако будем делить страны уже на три группы:

1. Отсутствие дискриминации (=0).
2. Заметная дискриминация (от наименьшего значения, отличного от нуля, до 0,08).
3. Высокая дискриминация (от 0,08 до наибольшего значения).

В качестве основного метода анализа мы будем использовать бинарную логистическую регрессию для определения силы эффектов независимых переменных и их взаимодействия между собой.

Анализ и результаты

На рис. 1–6 представлены распределения групп стран, выделенных по уровням демократии и дискриминации, по всем революционным эпизодам и в отдельности по сепаратистским и несепаратистским соответственно, а также по процентам невооруженных революционных кампаний в них. Так, если рассматривать все эпизоды в совокупности (рис. 1, 2), то видно, что с увеличением уровня демократии, с одной стороны, и снижением доли дискриминируемого населения – с другой, происходит заметное снижение процента вооруженных выступлений. Разница между полными автократиями и полными демократиями – порядка 70 п.п. Примечательно, что если переход между разными типами автократий и демократий оказывает существенное влияние на процент ненасилия, то такого же тренда нет в случае с анократиями – можно видеть «плато» с изменением лишь в 5 п.п. При этом в случае с уровнем дискриминации нет столь явных переходов: разница между странами с нулевой дискриминацией и высокой дискриминацией всего 20 п.п.

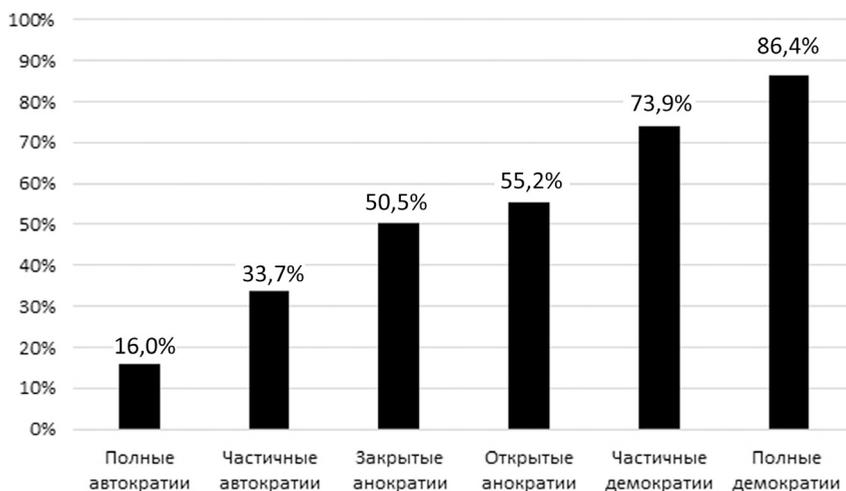

Рис. 1. Любые невооруженные революционные выступления по шести группам стран, выделенных по индексу электоральной демократии, %

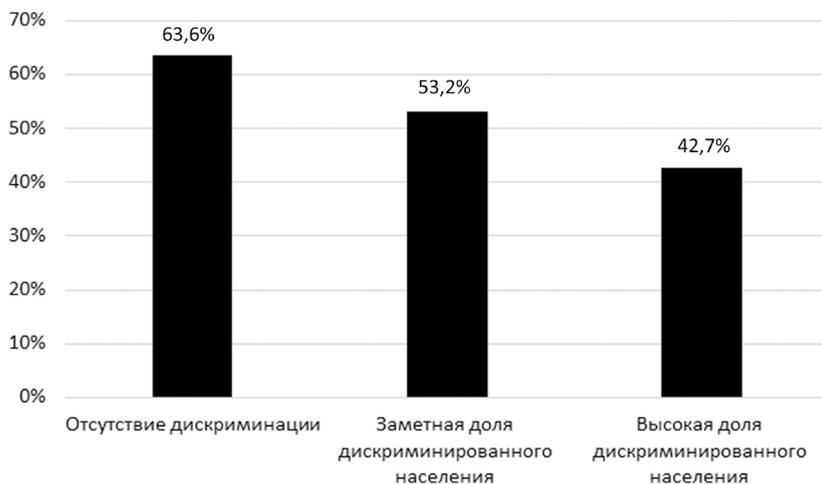

Рис. 2. Любые невооруженные революционные выступления по трем группам стран, выделенных по долям этнически дискриминируемого населения, %

Однако если обратиться к анализу сепаратистских эпизодов (рис. 3, 4), то видна совершенно иная ситуация. Так, разница в проценте невооруженных кампаний между полными автократиями и полными демократиями остается существенной – 55 п.п., но при этом нет четкой поступательной тенденции к увеличению процента ненасилия при переходе между другими группами стран. В данном случае видно «плато» между частичными автократиями и всеми анократиями. При этом переход от закрытой к открытой анократии даже будет характеризоваться увеличением насилия, чего не наблюдалось при анализе всех революционных эпизодов (рис. 3).

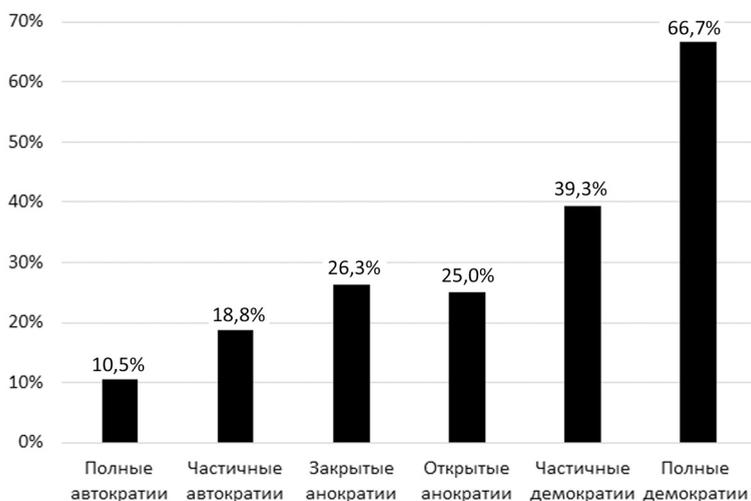

Рис. 3. Сепаратистские/национально-освободительные невооруженные революционные выступления по шести группам стран, выделенных по индексу электоральной демократии, %

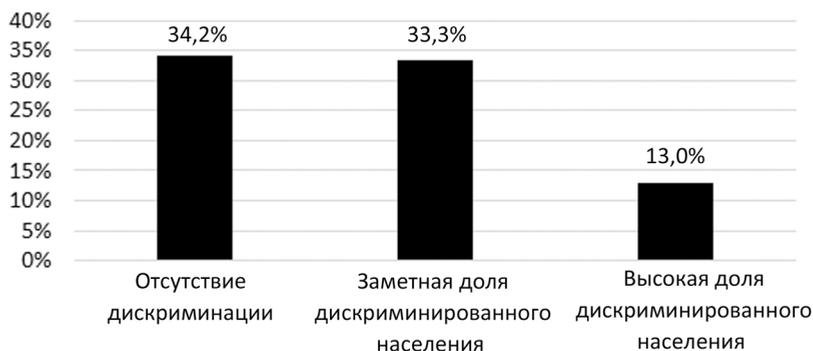

Рис. 4. Сепаратистские/национально-освободительные невооруженные революционные выступления по трем группам стран, выделенных по доле дискриминируемого населения, %

Совсем иная ситуация обстоит с долей дискриминируемого населения (рис. 4). Тут видно заметное падение процента ненасилия при переходе от заметной дискриминации к высокой – около 20 п.п. При этом сильной разницы между странами с нулевой и заметной дискриминацией нет, что объясняется тем, что выделенная граница для второй группы (8% населения) является ключевой для предсказания революционного насилия.

Если обратиться к анализу социально-политических (несепаратистских) революционных выступлений (рис. 5, 6), то видна та же тенденция, что и для любых революций. Однако примечательнее то, что дискриминация потеряла свою объясняющую силу: значимых переходов между разными группами стран нет. При этом демократия лишь подтвердила описанный ранее позитивный тренд – чем выше индекс электоральной демократии, тем выше процент революционного ненасилия.

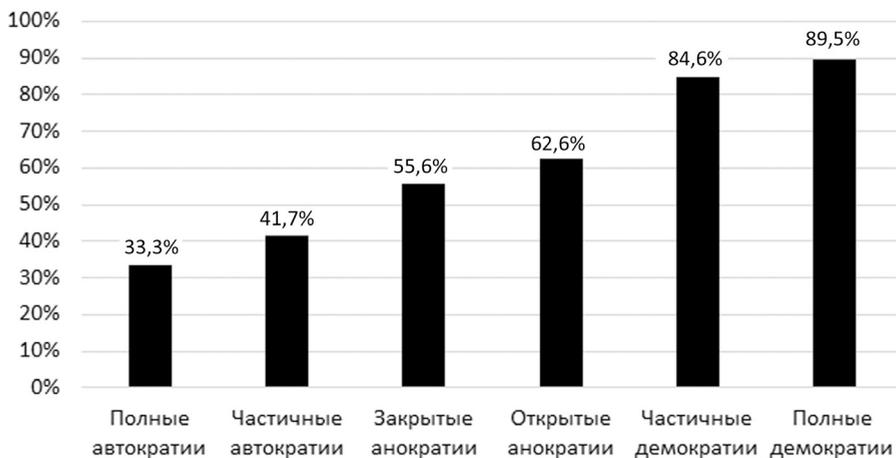

Рис. 5. Социально-политические (несепаратистские) невооруженные революционные выступления по шести группам стран, выделенных по индексу электоральной демократии, %

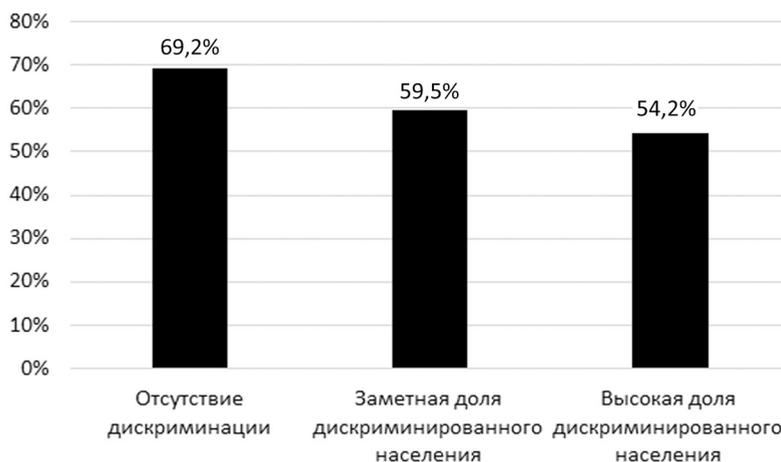

Рис. 6. Социально-политические (несепаратистские) невооруженные революционные выступления по трем группам стран, выделенных по доле дискриминируемого населения, %

Полученные результаты подтверждаются и при анализе логистических регрессий (таблица). Так, в первой модели, где анализируются все случаи, демократия и дискриминация являются значимыми предикторами, но значимость дискриминации при этом ниже. Во второй модели с сепаратистскими кампаниями видно, что демократия теряет всякую предсказательную силу, в то время как дискриминация остается очень значимым предиктором. Отметим, что из-за резкого падения числа случаев (в более чем 5 раз) значимость тоже закономерно падает. Однако если дискриминация остается маргинально значимой, что показывает хорошую предсказательную силу, то демократия уже не играет существенной роли при анализе. При этом в третьей модели с социально-политическими (несепаратистскими) революционными выступлениями видны прямо противоположные результаты: демократия является единственным значимым предиктором, тогда как дискриминация не является определяющим фактором.

Логистическая регрессия по разным типам революционных кампаний

Показатель	Невооруженный (=1) или вооруженный (=0) тип		
	M1 (Все)	M2 (Национально-освободительные)	M3 (Социально-политические)
Индекс электоральной демократии	2,142****	0,984	3,009***
	(0,556)	(1,291)	(0,705)
Доля дискриминированного населения	-1,627**	-5,893†	-0,998
	(0,694)	(3,709)	(0,728)
Константа	-0,254	-1,121*	-0,221
	(0,219)	(0,594)	(0,253)
N	409	76	333
AIC	531,957	84,449	405,779

**** $p < 0,001$; *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$; † $p = 0,1121$.

Таким образом, при анализе любых революционных выступлений следует учитывать, что доля дискриминируемого населения и уровень демократии являются совершенно разными самостоятельными переменными. Так, если

при анализе всех революционных выступлений оба фактора являются значимыми, то это лишь от того, что смешиваются кардинально разные типы революций. Однако если разделить революционные выступления на сепаратистские и социально-политические (несепаратистские), то становится очевидным, что для каждого из этих типов подходит только один из нашего набора предикторов. Так, для национально-освободительных/сепаратистских революционных выступлений главным фактором является доля дискриминируемого населения, в то время как для социально-политических несепаратистских революционных эпизодов значительно более важен индекс электоральной демократии.

Обсуждение и заключение

В целом наши гипотезы полностью подтверждаются: доля дискриминированного населения и индекс электоральной демократии – качественно разные предикторы, релевантные для разных типов революционных выступлений: сепаратистских и социально-политических (несепаратистских). Так, если анализировать все революционные эпизоды сразу, то оба фактора кажутся значимыми на приблизительно одинаковом уровне, но если поделить выборку, то становится очевидным разная объясняющая сила демократии и дискриминации. Для сепаратистских революций определяющим фактором ненасилия является низкая доля дискриминируемого населения (до приблизительно 8%), а для несепаратистских – высокий индекс электоральной демократии.

Хотя, как это было показано в настоящей работе, демократичность институтов и уровень дискриминации являются чрезвычайно важным фактором при выборе протестующими тактики действий, однако этим все не исчерпывается. Есть и другие немаловажные причины, почему одни революции принимают вооруженный характер, а другие – мирный. Так, в недавнем исследовании Р. Чинкотта и Х. Вебер [27] показали, что вероятность вооруженных революций значительно выше в странах с очень высокой долей молодежи в общей численности взрослого населения данного общества, т.е. в странах с так называемым выраженным молодежным бугром. Среди других факторов, предлагаемых в качестве благоприятствующих мирным, а не вооруженным формам революционных действий, можно упомянуть более высокие значения валового внутреннего продукта на душу населения [28] или урбанизации [29]. Также в последнее время появляется все больше работ, выделяющих образование в качестве главного фактора, понижающего насильственность революционных выступлений [5, 30].

Список источников

1. *Stephan M.J., Chenoweth E.* Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict // *International Security*. 2008. Vol. 33, № 1. P. 7 – 44.
2. *Butcher C., Svensson I.* Manufacturing Dissent // *Journal of Conflict Resolution*. 2016. Vol. 60, № 2. P. 311–339.
3. *Rasler K., Thompson W.R., Bou Nassif H.* The Extent of Military Involvement in Non-Violent, Civilian Revolts and Their Aftermath // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / eds. J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022. P. 565–594.
4. *Kadivar M.A., Ketchley N.* Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization // *Socius*. 2018. Vol. 4. P. 1–6.

5. *Dahlum S.* Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest // *Comparative Political Studies*. 2019. Vol. 52, № 2. P. 277–309.
6. *Chenoweth E., Ulfelder J.* Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? // *Journal of Conflict Resolution*. 2017. Vol. 61, № 2. P. 298–324.
7. *Ackerman P., Kruegler C.* Strategic nonviolent conflict: The dynamics of people power in the twentieth century. Westport, CT : Praeger Publishers, 1994. 366 p.
8. *Chenoweth E., Stephan M.J.* Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict. New York : Columbia University Press, 2011. 320 p.
9. *Голдстоун Д.* К теории революции четвертого поколения // *Философско-литературный журнал Логос*. 2006. № 5. С. 58–103.
10. *Гринин Л.Е., Кортаев А.В.* Методологические пояснения к исследованию революционных событий // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. 2020. Т. 11. С. 854–861.
11. *Lawson G.* Anatomies of revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 288 p.
12. *Popper K.R.* Prediction and prophecy and their significance for social theory // *Proceedings of the Tenth International Congress of Philosophy*. 1949. Vol. 1. P. 82–91.
13. *Caren N., Gaby S., Herrold C.* Economic Breakdown and Collective Action // *Social Problems*. 2017. Vol. 64, № 1. P. 133–155.
14. *Dahl M., Gates S., Gleditsch K.S., Gonzalez B.* Accounting for numbers: Group characteristics and the choice of violent and nonviolent tactics // *Economics of Peace and Security Journal*. 2020. Vol. 16, № 1. P. 5–25.
15. *Nam T.* Rough days in democracies: Comparing protests in democracies // *European Journal of Political Research*. 2007. Vol. 46, № 1. P. 97–120.
16. *Massoud T.G., Doces J.A., Magee C.* Protests and the Arab Spring: An Empirical Investigation // *Polity*. 2019. Vol. 51, № 3. P. 429–465.
17. *Regan P.M., Norton D.* Greed, Grievance, and Mobilization in Civil Wars // *Journal of Conflict Resolution*. 2005. Vol. 49, № 3. P. 319–336.
18. *Besançon M.L.* Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides // *Journal of Peace Research*. 2005. Vol. 42, № 4. P. 393–415.
19. *Buhaug H., Lujala P.* Accounting for scale: Measuring geography in quantitative studies of civil war // *Political Geography*. 2005. Vol. 24, № 4. P. 399–418.
20. *Gurr T.R.* Peoples versus states: Minorities at risk in the new century. Washington, DC : US Institute of Peace Press, 2000. 448 p.
21. *Wimmer A., Cederman L.-E., Min B.* Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set // *American Sociological Review*. 2009. Vol. 74, № 2. P. 316–337.
22. *Sambanis N.* Do Ethnic and Nonethnic Civil Wars Have the Same Causes? // *Journal of Conflict Resolution*. 2001. Vol. 45, № 3. P. 259–282.
23. *Chenoweth E., Shay C.W.* List of Campaigns in NAVCO 1.3. Cambridge, MA : Harvard Dataverse. <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND>
24. *Chenoweth E., Shay C.W.* NAVCO 1.3 Codebook. Cambridge, MA : Harvard Dataverse, 2020. 14 p.
25. *Coppedge M., Gerring J., Knutsen C.H., Lindberg S.I., Teorell J., Alizada N., Altman D., Bernhard M., Cornell A., Fish M.S.* V-Dem Dataset v 11.1, 2021. <https://www.v-dem.net/en/data/data/v-dem-dataset-v111/>
26. *Vogt M., Rügger S.* The Ethnic Power Relations (EPR) Core Dataset, Codebook Version 2021. Zürich : ETH, 2021. 7 p.
27. *Cincotta R., Weber H.* Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts // *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions* / eds. A. Goerres, P. Vanhuysse. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 57–92.
28. *Korotayev A.V., Sawyer P.S., Romanov D.M.* Socio-Economic Development and Protests: A Quantitative Reanalysis // *Comparative Sociology*. 2021. Vol. 20, № 2. P. 195–222.
29. *Кортаев А.В., Слав М., Зинькина Ю.В., Романов Д.М.* Урбанизация, рождаемость, городская молодежь и прогнозирование структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Африки южнее Сахары // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. 2020. Т. 11. С. 317–370.
30. *Barakat B., Urdal H.* Breaking the Waves? Does Education Mediate the Relationship Between Youth Bulges and Political Violence? Washington, DC : World Bank, 2009. 38 p.

References

1. Stephan, M.J. & Chenoweth, E. (2008) Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. *International Security*. 33(1). pp. 7–44.
2. Butcher, C. & Svensson, I. (2016) Manufacturing Dissent. *Journal of Conflict Resolution*. 60(2), pp. 311–339.
3. Rasler, K., Thompson, W.R. & Bou Nassif, H. (2022) The Extent of Military Involvement in Non-Violent, Civilian Revolts and Their Aftermath. In: Goldstone, J., Grinin, L. & Korotayev, A. (eds) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. pp. 565–594.
4. Kadivar, M.A. & Ketchley, N. (2018) Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization. *Socius*. 4. pp. 1–6. DOI: 10.1177/2378023118773614
5. Dahlum, S. (2019) Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest. *Comparative Political Studies*. 52(2). pp. 277–309. DOI: 10.1177/0010414018758761
6. Chenoweth, E. & Ulfelder, J. (2017) Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution*. 61(2). pp. 298–324.
7. Ackerman, P. & Kruegler, C. (1994) *Strategic nonviolent conflict: The dynamics of people power in the twentieth century*. Westport, CT: Praeger Publishers.
8. Chenoweth, E. & Stephan, M.J. (2011) *Why civil resistance works: The strategic logic of non-violent conflict*. New York: Columbia University Press.
9. Goldstone, D. (2006) K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya [On the theory of revolution of the fourth generation]. *Filosofsko-literaturnyy zhurnal Logos*. 5. pp. 58–103.
10. Grinin, L.E. & Korotayev, A.V. (2020) Metodologicheskie poyasneniya k issledovaniyu revolyutsionnykh sobyitiy [Methodological explanations for the study of revolutionary events]. *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov*. 11. pp. 854–861.
11. Lawson, G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Popper, K.R. (1949) Prediction and prophecy and their significance for social theory. *Proceedings of the Tenth International Congress of Philosophy*. 1. pp. 82–91.
13. Caren, N., Gaby, S. & Herrold, C. (2017) Economic Breakdown and Collective Action. *Social Problems*. 64(1). pp. 133–155.
14. Dahl, M., Gates, S., Gleditsch, K.S. & Gonzalez, B. (2020) Accounting for numbers: Group characteristics and the choice of violent and nonviolent tactics. *Economics of Peace and Security Journal*. 16(1). pp. 5–25.
15. Nam, T. (2007) Rough days in democracies: Comparing protests in democracies. *European Journal of Political Research*. 46(1). pp. 97–120. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00645.x
16. Massoud, T.G., Doces, J.A. & Magee, C. (2019) Protests and the Arab Spring: An Empirical Investigation. *Polity*. 51(3). pp. 429–465. DOI: 10.1086/704001
17. Regan, P.M. & Norton, D. (2005) Greed, Grievance, and Mobilization in Civil Wars. *Journal of Conflict Resolution*. 49(3). pp. 319–336.
18. Besançon, M.L. (2005) Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides. *Journal of Peace Research*. 42(4). pp. 393–415.
19. Buhaug, H. & Lujala, P. (2005) Accounting for scale: Measuring geography in quantitative studies of civil war. *Political Geography*. 24(4). pp. 399–418.
20. Gurr, T.R. (2000) *Peoples versus states: Minorities at risk in the new century*. Washington, DC: US Institute of Peace Press.
21. Wimmer, A., Cederman, L.-E. & Min, B. (2009) Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set. *American Sociological Review*. 74(2). pp. 316–337.
22. Sambanis, N. (2001) Do Ethnic and Nonethnic Civil Wars Have the Same Causes? *Journal of Conflict Resolution*. 45(3). pp. 259–282. DOI: 10.1177/0022002701045003001
23. Chenoweth, E. & Shay, C.W. (n.d.) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge, MA: Harvard Dataverse. <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND>
24. Chenoweth, E. & Shay, C.W. (2020) *NAVCO 1.3 Codebook*. Cambridge, MA: Harvard Dataverse.
25. Coppedge, M., Gerring, J., Knutsen, C.H., Lindberg, S.I., Teorell, J., Alizada, N., Altman, D., Bernhard, M., Cornell, A. & Fish, M.S. (2021) *V-Dem Dataset v11. 1*. [Online] Available from: <https://www.v-dem.net/en/data/data/v-dem-dataset-v111/>
26. Vogt, M. & Rieger, S. (2021) *The Ethnic Power Relations (EPR) Core Dataset, Codebook Version 2021.1*. Zürich: ETH.
27. Cincotta, R. & Weber, H. (2021) Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. In: Goerres, A. & Vanhuyse, P. (eds) *Global Political Demography: Com-*

parative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 57–92.

28. Korotayev, A.V., Sawyer, P.S. & Romanov, D.M. (2021) Socio-Economic Development and Protests: A Quantitative Reanalysis. *Comparative Sociology*. 20(2). pp. 195–222.

29. Korotayev, A.V., Slav, M., Zinkina, Yu.V. & Romanov, D.M. (2020) Urbanizatsiya, rozhdamost', gorodskaya molodezh' i prognozirovanie strukturno-demograficheskikh riskov sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii v stranakh Afriki yuzhnee Sakhary [Urbanization, fertility, urban youth and forecasting structural and demographic risks of socio-political destabilization in sub-Saharan Africa]. *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov*. 11. pp. 317–370.

30. Barakat, B. & Urdal, H. (2009) *Breaking the Waves? Does Education Mediate the Relationship Between Youth Bulges and Political Violence?* Washington, DC: World Bank.

Сведения об авторах:

Устюжанин В.В. – стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). Email: vvustiuzhanin@yandex.ru

Коротаев А.В. – доктор исторических наук, профессор, зав. Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); главный научный сотрудник Института Африки РАН (Москва, Россия). Email: akorotayev@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ustyuzhanin V.V. – Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: vvustiuzhanin@yandex.ru

Korotayev A.V. – Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: akorotayev@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.10.2021;
одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 15.10.2021;
approved after reviewing 30.03.2022; accepted for publication 04.05.2022*